УДК 821.111

Е.В.Мазова

АЛЛЮЗИВНЫЙ МОТИВ ОБОРОТНИЧЕСТВА В РОМАНЕ А.С.БАЙЕТТ «ДЕТСКАЯ КНИГА»

Исследуется мотив оборотничества, организующий сюжет сказки братьев Гримм «Ганс — мой ежик», а также аллюзивно с ней связанной вставной сказкой в романе А.С.Байетт «Детская книга». Показывается межтекстовое взаимодействие этих сказок, корреляция вставного и основного текстов внутри романа. Среди прочего в статье освещается проблема литературоведческого терминологического аппарата, связанного с описанием понятия «оборотничества».

Ключевые слова: А.С.Байетт, Гримм, вставная сказка, роман, оборотничество, аллюзия, межтекстовое взаимодействие

Заметной особенностью творческой манеры современной английской писательницы Антонии Сьюзен Байетт является широкое присутствие вставных текстов, формирующих многослойную структуру ее произведений малой и большой прозы. Значительным корпусом вставных конструкций обладает и ее многослойный роман «Детская книга» (“The Children’s Book”; 2009), в композиции которого важное место занимают детские сказки, создаваемые главной героиней-писательницей Олив Уэллвуд для своих детей. Среди них особое место отведено сказке, которую Олив пишет для своей старшей дочери Дороти Уэллвуд. В ней рассказывается увлекательная история о девочке Пегги, обнаружившей деревянную дверь под корнями дерева в саду и попавшей через нее в фантастическую страну оборотней, где ее обитатели за считанные мгновения могли изменять свой размер и шкуру и где Пегги приобрела уникальную способность перевоплощаться в ежика с помощью волшебной ежиной шкурки-плащика.

В восприятии сказки Дороти значимым аспектом представляется ее аллюзивная связь с немецкой народной сказкой «Ганс — мой ежик» («Hans mein Igel»), которая вошла во второй том знаменитого на весь мир сборника братьев Гримм «Детские и семейные сказки» («Kinder- und Hausmärchen»), изданного в 1814 году[1]. В ней повествуется история Ганса-ежика, обладавшего наружностью полуежа и получеловека, покинувшего по этой причине мир людей, уйдя жить в лес. В финале он превращается в красивого и молодого мужчину, сбросив свою ежиную шкурку в первую же ночь после женитьбы на дочери короля.

Интересным представляется тот факт, что в тексте романа наблюдается несколько прямых аллюзивных указаний на связь сказки Дороти с известным немецким претекстом. Однако следует отметить, что, несмотря на эти отсылки, а также рефлексию героев романа, соджержащую непосредственное сопоставление двух сказок, А.С.Байетт делает акцент лишь на их предполагаемой корреляции, что привносит в основной романный текст элемент интертекстуальной игры, и, таким образом, апеллирует к аналитическим способностям читателя, предоставляя возможность ему самостоятельно решать вопрос о наличии аллюзивной связи между двумя произведениями. Эта мысль находит отражение в письме к Олив от Дороти, находящейся в Германии и познакомившейся со своим настоящим отцом — немецким кукольником Ансельмом Штерном: «Я показала ее герру Ансельму Штерну, в чьем театре мы часто бываем. Он сказал, что миссис Хиггель [один из персонажей сказки Дороти — *Е.М.*], **возможно** [выделено нами — *Е.М.*], имеет отношение к сказке братьев Гримм «Ханс майн Игель»...» [1].

Тем не менее, особое внимание в обеих сказках заслуживает именно сюжетообразующий мотив трансформации облика персонажей, который широко распространен в легендах, балладах, преданиях и сказках разных народов мира [2]: в России — «Царевна-лягушка», в Великобритании — «Рейнардин», в Германии — «Осел-оборотень», в Японии — «Жена-цапля» и др. Здесь требуется оговорить, что в современном литературоведении не согласован общий понятийный аппарат, раскрывающий данный феномен. По этой причине разными исследователями выделяется ряд терминов: «оборотничество» [3], «оборачивание» [4], «ведовство» [4, с. 51], «превращение» [5]. Мы придерживаемся позиции Д.И.Антонова, который заявляет, что «о материальных аспектах оборотничества зачастую невозможно судить; гораздо легче развести понятия “оборотничество” и “превращение”, если определить первое как обратимую и / или многократную трансформацию облика, а второе — как необратимую / разовую метаморфозу» [5, с. 15]. Так, для сказки братьев Гримм характерно единоразовое, необратимое превращение главного персонажа из облика полуежа и получеловека в молодого мужчину, в то время как для персонажей сказки Дороти свойственно многократное обретение полуежиного и получеловеческого вида. Однако идентичная трансформация внешнего облика многих персонажей сказки, написанной Олив, указывает на ее аллюзивную связь с немецкой сказкой.

Неотъемлемым атрибутом анималистического облика персонажей в обеих сказках фигурирует ежиная шкурка, что обусловлено внутритекстовыми и внетекстовыми факторами. Появление на свет Ганса-ежика в бездетной семье с такой внешностью изначально запрограммированно внутритекстовой ситуацией, согласно которой его будущий отец в порыве сильного негодования высказывает со злостью пожелание, адресованное своей жене: «Хоть ежа, да роди мне!» [6]. Эмоционально-экспрессивное обращение к супруге, выраженное в императивной форме, выступает своего рода неосознанным заклятием, которое в дальнейшем лишь наполовину проявляется во внешности ребенка, так как родившая его женщина не желала подобной участи своему

будущему чаду. В сказке Дороти трансформирующиеся персонажи-оборотни определяются внетекстовыми реалиями, существующими лишь в рамках романного повествования, но непосредственно влияющими на сказочный сюжет: ежиные шкурки-плащики символизируют защитную оболочку, которая коррелирует со взрослыми обитателями «Жабьей просеки» и их многолетним молчанием о тайне рождения детей для сохранения утопического жизненного уклада всех обитателей усадьбы.

М.-Л. фон Франц отмечает, что «если человеку приходится жить в звериной шкуре, это является признаком того, что на него наложено заклятье и что его жизнь складывается не так, как нужно» [7]. Неосознанное заклятие, озвученное отцом в сказке братьев Гримм, отрицательно сказывается на развитии дальнейшей судьбы Ганса-ежика, который лишается возможности жить полноценной жизнью простого человека. Сказка Дороти в романе зеркально преломляет реальность «Жабьей просеки», которая изначально была смоделирована Олив согласно ее представлениям об идеальной семье, где все должны жить в границах ею придуманного мира и где всё должно быть подчинено ее желаниям. Подобная эгоистическая позиция главной героини романа не позволяла ее близким выстраивать жизненный путь в соответствии с собственными устремлениями.

В связи с этим заметим, что персонажи-оборотни неслучайно появляются в сказке дочери Олив, ведь, как отмечает Т.А.Новичкова, люди могут переживать кошмар оборотничества не по своей воле [8]. Особенно остро в романе доминирующую позицию матери ощущает Дороти: Олив хочет выстраивать не только сюжет ее сказки, сочиняя развитие персонажной истории Пегги, но и воздействовать на личный выбор дочери. Дороти осознает, что позиция матери идет вразрез с ее желаниями, ее взглядами и ожиданиями относительно своей жизни: «Она [Дороти — *Е.М.*] довольно рано отказалась поддерживать игру, затеянную Олив, — жить в волшебной сказке, а не на твердой земле, где ходят поезда, где люди держат трудные экзамены. Олив хотела любить Дороти-ежика, а Дороти хотела быть человеком, и притом взрослым» [1, с. 503].

В сказке «Ганс — мой ежик» обретение человеческого облика главным героем непосредственно связано с его женитьбой — одним из значимых переходных обрядов — мужской инициацией, благодаря которой устанавливается связь с другим родом [9]. Е.М.Мелетинский, исследующий миф, указывает, что инициация может включать символическую временную смерть, представляющую собой ликвидацию старого состояния и перерождение индивида в совершенно новом качестве [9, с. 226]. Данный факт актуален и для рассматриваемых нами сказок, так как, согласно В.Я.Проппу, обряды и мифы являются досказочными образованиями, посредством которых можно объяснить сказку [10]. Таким образом, Ганс-ежик, сбросив шкурку перед первой брачной ночью, претерпевает телесную трансформацию, а дальнейшее ее сжигание стражниками снимает с него заклятие, символизируя смерть персонажа в прежнем обличии (ведь без шкурки невозможно обрести старый облик) и его окончательное перерождение в ином физическом качестве.

В сказке Дороти главная героиня утрачивает способность перевоплощения в ежика и одновременно с этим лишается возможности перехода в тайный мир под корнями дерева, обнаружив вместо своей волшебной шкурки-плащика заскорузлую шкурку от давно умершего и высохшего настоящего ежика, что символизирует смерть «старой» Пегги, в то время как ее возвращение из странствий репрезентует «новую», ментально и духовно перерожденную героиню.

В романном сюжете повзрослевшая Дороти достойно проходит через своеобразную «инициацию», крайне сложную для женщины Викторианской Англии: чтобы стать врачом, она покидает родной дом в «Жабьей просеке» и поступает в Лондонскую женскую школу медицины. По возвращении домой Дороти обнаруживает, что тот мир, который был ей знаком с детства, уже не существует, равно как нет и той, «старой», Дороти, так как вступление в самостоятельную взрослую жизнь привело к глубокой внутренней трансформации.

Необходимо отметить, что в сказке Дороти способность трансформироваться утрачивают и остальные персонажи. Будучи «авторской», эта сказка содержит элемент саморефлексии Олив по поводу семейной тайны о происхождении Дороти. На момент пребывания Дороти в Германии, где произошла ее встреча с настоящим отцом, Олив в письме отправляет дочери продолжение ее сказки. Отметим, что в романном тексте этот сказочный фрагмент представлен в редуцированном и немаркированном виде, так как выполняет вспомогательную функцию — с его помощью мать на языке сказочных символов пытается сообщить дочери, что уже осведомлена о случившемся: «...миссис Хиггель [прототип самой Олив в сказке Дороти — *Е.М.*] пришла домой и увидела, что окно распахнуто, а колючий плащик исчез» [1, с. 517]. Более того, Олив понимает, что эта правда разрушила в глазах дочери идеальный мир «Жабьей просеки» и непременно в недалеком будущем затронет жизненные истории и других ее обитателей, о чем сообщается в продолжении этого редуцированного фрагмента сказки: «И все ее слуги и домочадцы — мышиный народец, лягушачий народец, лисята — тоже потеряли способность превращаться, потому что исчезла колючая оболочка» [1, с. 517].

Заметим, что по сюжету романа во время написания письма Олив не представляла еще в полной мере, что конкретно ее дочь и другие дети знают о своем рождении. Поэтому редуцированный эпизод сказки выполняет предуведомительную функцию в романе, ведь в финале «Детской книги» все тайны, хранимые Олив, откроются: Олив Уэллвуд и Ансельм Штерн — родители Дороти, Виолетта Гримуит (сестра Олив) и Хамфри Уэллвуд (муж Олив) — родители Филлис и Флориана, которые изначально считали своей матерью Олив.

Рассматривая произведение Олив в аллюзивном ракурсе, интересным представляется и сопоставительный анализ сказочных финалов. Для сказки братьев Гримм характерен счастливый конец, который ознаменован воссоединением Ганса-ежика со своей семьей, в то время как в сказке Дороти читатель, наоборот, наблюдает несчастливый финал, проецируемый на личную историю Дороти и ее взаимоотношения с Олив — молодая девушка максимально ограничивает контакты с матерью.

Таким образом, благодаря межтекстовому взаимодействию со сказкой братьев Гримм «Ганс — мой ежик» рассмотренная нами вставная сказка указывает на магистральные жизненные события в судьбе героини романа, а также освещает ключевые обстоятельства сюжетной коллизии романа «Детская книга».

Примечание

1. Разные источники указывают две даты выхода в свет сборника «Детские и семейные сказки» («Kinder- und Hausmärchen») братьев Гримм: 1814 год — фактическое время издания сборника в Германии накануне празднования Рождества; 1815 год — год выпуска, указанный на титульной странице книги.

1. Байетт А.С. Детская книга / Пер. с англ. Т.П.Боровиковой. М.: Эксмо, 2012. С. 526.
2. Будур Н.В. Сказочная энциклопедия / Под общ. ред. Н.В.Будур. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 356.
3. Неклюдов С.Ю. Откуда берутся оборотни // Оборотни и оборотничество: стратегии описания и интерпретации: Материалы межд. конф. (Москва, РАНХиГС, 11-12 декабря 2015) / Отв. ред. и сост. Д.И.Антонов. М.: Издат. дом «Дело», 2015. С. 9.
4. Галай К.Н., Жучкова А.В. О типологической классификации и символическом значении антропоморфных образов принца-лягушки и царевны-лягушки // Мир русского слова. 2014. № 4. С. 51-52.
5. Антонов Д.И. Оборотничество в русской иконографии, книжности и фольклоре: стратегии репрезентации // Оборотни и оборотничество: стратегии описания и интерпретации: Материалы межд. конф. (Москва, РАНХиГС, 11-12 декабря 2015) / Отв. ред. и сост. Д.И.Антонов. М.: Издат. дом «Дело», 2015. С. 15.
6. Гримм Я., Гримм В. Собрание волшебных сказок [Электр. ресурс]. Aegitas, 2014. 983 с. URL: https://books.google.ru/books?id=2SG0BAAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q=%D1%85%D0%BE%D1%82%D1%8C%20%D0%B5%D0%B6%D0%B0&f=false (дата обращения: 12.04.2017).
7. Франц М.-Л. фон. Избавление от колдовства в волшебных сказках [Электр. ресурс] / Пер. с англ. В. Мершавки. М.: Класс, 2007. 123 с. URL: https://unotices.com/book.php?id=84404&page=16 (дата обращения: 12.04.2017).
8. Новичкова Т.А. Русский демонологический словарь. СПб.: Пб. писатель, 1995. С. 449.
9. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. 2-е изд., репринтное. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, Шк. «Языки рус. культуры», 1995. С. 226.
10. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. С. 20.

References

1. Bayett A.S. Detskaya kniga / Per. s angl. T.P.Borovikovoy. M.: Eksmo, 2012. C. 526.
2. Budur N.V. Skazochnaya entsiklopediya / Pod obshch. red. N.V.Budur. M.: OLMA-PRESS, 2005. S. 356.
3. Neklyudov S.Yu. Otkuda berutsya oborotni // Oborotni i oborotnichestvo: strategii opisaniya i interpretatsii: Materialy mezhd. konf. (Moskva, RANKhiGS, 11-12 dekabrya 2015) / Otv. red. i sost. D.I.Antonov. M.: Izdat. dom «Delo», 2015. S. 9.
4. Galay K.N., Zhuchkova A.V. O tipologicheskoy klassifikatsii i simvolicheskom znachenii antropomorfnykh obrazov printsa-lyagushki i tsarevny-lyagushki // Mir russkogo slova. 2014. № 4. S. 51-52.
5. Antonov D.I. Oborotnichestvo v russkoy ikonografii, knizhnosti i fol'klore: strategii reprezentatsii // Oborotni i oborotnichestvo: strategii opisaniya i interpretatsii: Materialy mezhd. konf. (Moskva, RANKhiGS, 11-12 dekabrya 2015) / Otv. red. i sost. D.I.Antonov. M.: Izdat. dom «Delo», 2015. S. 15.
6. Grimm Ya., Grimm V. Sobranie volshebnykh skazok [Elektr. resurs]. Aegitas, 2014. 983 s. URL: https://books.google.ru/books?id=2SG0BAAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q=%D1%85%D0%BE%D1%82%D1%8C%20%D0%B5%D0%B6%D0%B0&f=false (data obrashcheniya: 12.04.2017).
7. Frants M.-L. fon. Izbavlenie ot koldovstva v volshebnykh skazkakh [Elektr. resurs] / Per. s angl. V. Mershavki. M.: Klass, 2007. 123 s. URL: https://unotices.com/book.php?id=84404&page=16 (data obrashcheniya: 12.04.2017).
8. Novichkova T.A. Russkiy demonologicheskiy slovar'. SPb.: Pb. pisatel', 1995. S. 449.
9. Meletinskiy E.M. Poetika mifa. 2-e izd., reprintnoe. M.: Izd. firma «Vost. lit.» RAN, Shk. «Yazyki rus. kul'tury», 1995. S. 226.
10. Propp V.Ya. Istoricheskie korni volshebnoy skazki. M.: Labirint, 2000. S. 20.

Mazova E.V. The allusive motif in A.S.Byatt's novel "The Children's Book". The article examines the motif of turnskin, which organizes the plot of the folk tale by the Brothers Grimm "Hans My Hedgehog", and alluded to it an inserted fairytale in A.S.Byatt's novel "The Children's Book". The intertextual interaction of these tales, the correlation of the inserted and the main texts inside the novel are shown. Among other things, the article highlights the problem of the definitions in literary criticism concerning the concept of "turnskin".

Keywords: A.S.Byatt, Grimm, inserted fairytale, novel, turnskin, allusion, intertextual interaction.

Сведения об авторе. Е.В.Мазова — аспирант кафедры русской и зарубежной литературы ИГУМ НовГУ; katerina.mazova2015@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 18.04.2017.